

63.3(2)52-8
Р 83
СА-398893

Артем Рудницкий

ВИТКЕВИЧ

Бунтарь.

Солдат империи

А Л Е Т Е Й Я

Артем Рудницкий

ВИТКЕВИЧ

Бунтарь.

Солдат империи

КР
Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙА
2019

СА-398893

Хотел бы выразить глубокую признательность коллегам и друзьям, оказавшим мне помощь в работе над книгой:

начальнику Архива внешней политики Российской империи МИД России Ирине Поповой;

сотрудникам АВПРИ Юлии Басенко, Алле Руденко, Владимиру Михайлову и Марии Дешевых;

советнику Архива внешней политики Российской Федерации Елизавете Гусевой, начальнику отдела Государственного архива Российской Федерации Ирине Байковой.

Особая благодарность — моей жене и дочери.

Большая игра закончится, когда
все умрут.

Редьярд Киплинг
Ким

«...добиваем как умеем скорее
остатки жизни — а всё конца нет
как нет!»

Ян Виткевич
Из письма Владимиру Далю

Утром в четверг, 9 мая 1839 года, пришел ветер с Невы, разогнавший тучи, которые с вечера скапливались на петербургском небе, набухали дождевой влагой, грозившей пролиться на горожан. Но бог миловал. Весеннее солнце согревало озябшие тела и души, внушая надежду на то, что день будет удачным, и все в этом мире не так уж скверно.

В трактире француза Луи, что на Малой Морской, прислуга с самого рассвета бодро взялась за дело. Кухарки, истопники, половые и коридорные готовили, разогревали, убирали, чистили и будили. В номерах обычно останавливался народ непраздный, по будням занятой — купцы, приказчики, заезжие крестьяне и ремесленники, да и люди благородные, посещавшие столицу по важным и неотложным делам. Им не с руки залеживаться, нежиться в постелях, дела не ждали, никто времечко понапрасну тратить не желал.

Лишь один постоялец в то ясное, редкое для сумрачного Петербурга, а потому особенно славное утро, при-

позднился, все не выходил из своей комнаты. Штаб-ротмистр, всегда в ловко сидевшем на нем казачьем мундире, высокий, статный, неизменно любезный и обходительный, сводивший с ума барышень и любивший хорошо провести время с друзьями.

Величали штаб-ротмистра Иваном Викторовичем Виткевичем, хотя кое-кто из знакомых называл его Яном. Видно, что из поляков, так и среди этих встречаются порядочные люди. А гостиничным хозяевам и прислуге чего? Только бы не ругался, покой других не смущал, да платить не забывал. А когда платят, что Ян, что Иван, все едино.

Накануне вернулся не поздно, едва начало смеркаться. В настроении странном: то улыбался, шутил, то морщил лоб и кривил губы в непонятной тоске. Говорил, что весело провел время в милой компании, и тут же принимался горевать, повторял, что вот, ему уже тридцать, а не женат, никому не нужен. Жаловался, что устал, велел, чтобы позволили отдохнуть подольше, не поднимали ни свет ни заря. Такой наказ дал кривоногому киргизцу, который был у него в услужении. Сказал, что сам позовет, когда нужно будет умываться и одеваться.

Наступило утро, время шло. Минуло восемь часов, потом девять, десять, а все не звал. Слуга забеспокоился, не похоже на господина. Подходил к двери, прислушивался, но ничего уловить не мог.

К одиннадцати к нему посетители начали приходить, которым было назначено: двое, особенно важных, из министерства иностранных дел. Чудно это было, почему так долго спит, стали стучать, за полицией сбегали, взломали дверь, ну и нашли его... Застрелился, пулей в висок. В камине пепел от сожженных бумаг, предсмертное письмо на столе.

Жандармы примчались, чиновники в вицмундирах, всё оцепили, охрану поставили, никого в ту комнату не пускали, пока все не обыскали и вверх дном не перевер-

нули. Но, видимо, не обнаружили то, что искали, потому как чертыхались и кляли покойника. Чем-то досадил им, а чем — неизвестно. Своей смертью, наверное...

В тот же день увезли, сказывали, на Волковском¹ кладбище похоронили. Да только могила вскоре исчезла. И следа не осталось.

Много лет спустя ее попытался найти писатель Михаил Гус. Государственный исторический архив Ленинградской области сообщил ему, что в архивных фондах петербургского обер-полицмейстера, канцелярии петербургского губернатора и администрации кладбища сведений об Иване Викторовиче Виткевиче не имеется². По просьбе автора этой книги в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) проверили дела, в которых содержатся полицейские сводки и отчеты о происшествиях и преступлениях в Петербурге в мае 1839 года. Пока ничего, что имело бы отношение к смерти Виткевича, найти не удалось. Хотя событие это было незаурядное, сегодня бы сказали — резонансное. И тем не менее...

Оборвалась жизнь человека, который считается одной из самых загадочных фигур в российской истории XIX века. Она была короткой, но вместила множество событий и рискованных приключений, свидетельствующих об отваге, находчивости и невероятном везении. Согласимся с тем, что это было «одно из самых фантазмагорических существований того времени»³.

Отчего Виткевич завершил свои дни таким образом: среди своих, когда, казалось, не о чем было беспокоиться, нечего бояться? Это должно было произойти на чужбине, среди невзгод и опасностей, в бою, в походе, во время одного из его дерзких, авантюрных рейдов. Ведь

¹ То же, что Волково.

² М. Гус. Дуэль в Кабуле. Ташкент. 1964. С. 325.

³ Из повести В. Сафонова «На горах — свобода» // <https://knigism.net/view/16443>.

он принадлежал к тем, кто, по словам американцев, умирает *with their boots on*¹. Разве не о таких пассионариях написал поэт: «И умру я не на постели, при нотариусе и враче, а в какой-нибудь дикой щели, утонувшей в густом плюще»?

Нотариус и врач при кончине Виткевича, понятно, не присутствовали. Не тот случай. Но это дела не меняло.

Впервые Ян заглянул в глаза старухе с косою в обстоятельствах страшных. В 1824 году, пятнадцатилетний гимназист, он был арестован за участие в тайном обществе «Черные братья» и приговорен к повешению. Царское правительство проявило милосердие, все-таки речь шла о подростке, и смягчило приговор. Однако он остался весьма суровым: навечно в солдаты, без права выслуги, подальше от родных земель, в самую чертову глушь, в крепость Орск в Оренбургском крае.

Так началась его одиссея. Он и представить себе не мог, какие перемены ждут его впереди, каким станут рисовать его образ современники, исследователи-историки и писатели.

Польский юноша, бросивший вызов царскому гнету и жестоко поплатившийся за это. Бесправный ссыльный, чудом вернувший себе расположение властей. Отчаянный смельчак, расставшийся с «грошевым уютом», чтобы пуститься в дальние странствия, вступить в схватку с британскими агентами и положить начало Большой игре — ожесточенному соперничеству России и Англии в Центральной Азии².

¹ Эта идиома означает: «погибнуть в бою, при исполнении своих обязанностей».

² В настоящем исследовании используются термины «Центральная Азия» и «Средняя Азия». Автор исходит из того, что «Центральная Азия» — более широкое понятие, обозначающее регион, который включает в себя Среднюю Азию (территория современных Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана), Монголию, Северо-Западный Китай и Афганистан.

Русское правительство карало поляков за революционные помыслы и действия, отправляло на каторгу и в ссылку. Но борцам за национальную независимость обычно давался второй шанс. Случалось, и не так уж редко, что в Сибири они становились географами, этнографами, первооткрывателями азиатских земель. Александр Чекановский, Бенедикт Дыбовский, Ян Черский, Вацлав Серошевский, Бронислав Пилсудский, Леон Барщевский — это далеко не полный список. Ссылные поступали на гражданскую и военную службу, делали завидную карьеру. Забвение идеалов? Предательство товарищей, продолжавших борьбу? Скорее, возможность реализовать себя в создавшихся условиях. В конце концов, благие дела вершились не только на баррикадах.

Виткевич выделялся среди этой плеяды своей лихо­стью и фантастической удачливостью. На смену счастливому детству и ранней юности, буколической идиллии в окружении любящих родителей, братьев и сестер в уютном уголке старой Литвы, гимназическим занятиям с просвещенными учителями пришли отупляющая муштра, издевательства и унижения. Но изгой выстоял, добился офицерского чина и стремительно поднимался по служебной лестнице. Вот он уже имперский посланник, общается с персидским шахом и кабульским эмиром, к нему благоволят сильные мира сего и в Петербурге с нетерпением ждут его сверхсекретных депеш...

Жажда странствий и приключений у Виткевича в крови. Переходы через неведомые земли, политические интриги, переговоры с восточными владыками — такая жизнь по вкусу бывшему вольнодумцу.

Этот парень был по-настоящему хорош, все это подмечали. Великолепный наездник, бесстрашный разведчик, умелый переговорщик, знаток Востока! Овладел языками азиатских племен и народов, проникся восточными

обычаями, традициями и нормами ислама, знал суры Корана и читал их наизусть лучше иного мусульманина. Он комфортнее чувствовал себя в Бухаре, Тегеране, Кандагаре или Кабуле, нежели в Петербурге.

У Виткевича было нечто общее с другим русско-польским участником Большой игры, Брониславом Людвиговичем Громбчевским, первопроходцем, который прославился спустя полвека. Их роднили влюбленность в Восток, стремление глубже узнать Центральную Азию, в совершенстве освоить ремесло разведчика и дипломата.

Громбчевский, которому автор посвятил книгу «Этот грозный Громбчевский. Большая игра на границах империи»¹, не являлся ни революционером, ни ссыльным и, несмотря на капризы судьбы, пользовался расположением государя императора и его приближенных. Виткевич тоже мог всего этого добиться, его имя было на слуху в высших сферах, о нем благосклонно отзывались царь и министры, буквально за пару лет он вырос в чинах от портупей-прапорщика до штаб-ротмистра... Кто знает, он мог сделаться генералом, как Громбчевский, и скончаться в преклонных годах от старости и болезней. Но его жизнь оборвалась и причины этого трагического ухода до сих пор не выяснены.

После сурового наказания, вырвавшись в большой мир, Виткевич торопился жить, лихорадочно наверстывая упущенное в годы солдатской неволи. Словно предчувствовал, что смерть придет за ним слишком рано. Его судьба по-своему подтвердила старую истину — «те, кого любят боги, умирают молодыми». Они и впрямь любили этого парня, но взяли за это дорогую плату.

Ему был 31 год. Вполне достаточно, чтобы обессмертить свое имя.

¹ А. Ю. Рудницкий. Этот грозный Громбчевский. Большая игра на границах империи. СПб.: Алетейя, 2013.

Историографическая увертюра

Такая поразительная судьба не могла оставить равнодушными историков и беллетристов. В России, Англии и Польше насчитывается больше сотни трудов, посвященных Виткевичу. Возможно, есть они и в других странах. К сожалению, сам герой не оставил после себя ни мемуаров (кто в молодости увлекается таким скучным занятием!), ни дневников, проливающих свет на его жизнь и раскрывающих связанные с ней секреты.

Писать не любил, это всеми отмечалось. Правда, любил рассказывать о своих путешествиях и находил благодарных слушателей. Одним из них был Иван Федорович Браламберг, талантливый ученый, военный инженер, картограф, геодезист и дипломат, служивший одно время в русском посольстве в Персии. «Виткевич очень много рассказывал нам о своем пребывании в Кабуле и Кандагаре, но, к сожалению, он не вел дневника и вообще не любил писать. Несколько раз я запирался с ним в моей комнате, приказав слуге никого не впускать, и Виткевич диктовал мне свои воспоминания, а также описания маршрутов, которые я впоследствии включил в свою книгу о Персии»¹.

Если Виткевич и «диктовал», то эти записи не сохранились. В воспоминаниях Браламберга не более десятка страниц имеют отношение к Яну. Тем не менее, они многое говорят нам о характере Виткевича, о некоторых подробностях его пребывания в Персии и Афганистане. В другой труд Браламберга, «Статистическое обозрение Персии»², действительно вошли описания маршрутов Виткевича, однако вне связи с его миссией. Возможно, Браламберг решил, что рассказ о ней, неизбежно политически заостренный, будет неуместен в труде, носившем сугубо научный

¹ И. Ф. Браламберг. Воспоминания. М., 1978. С. 96.

² Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Браламбергом в 1841 году. Записки Императорского Русского географического общества. Книжка VII. СПб, 1853.

характер. Раздел «Сведения о Персии и Афганистане, собранные поручиком Виткевичем в 1837, 1838 и 1839 годах» содержит исключительно географические, экономические и этнические наблюдения. Как видно, значительную часть его рассказов Иван Федорович оставил «за скобками». Можно ли его судить за это? В конце концов, он, прежде всего, писал о себе, а не о своем польском приятеле.

Мемуарные источники всегда субъективны и не всегда точны, их авторы подчас вольно обращаются с фактами, и воспоминания Браламберга тому подтверждение. Приведем один абзац:

«Иван Викторович Виткевич родился в Гродненской губернии. Воспитание получил в кадетском корпусе в Варшаве. 17-летним юношей из-за необдуманных поступков, совершенных по молодости, был сослан тогдашним наместником великим князем Константином в солдаты в Орск (Оренбургская губерния)»¹.

В Варшаве Виткевич никогда не был, в кадетском корпусе не обучался, а в Сибирь угодил, когда ему не исполнилось и 16 лет.

Справедливости ради уточним: Браламберг упоминал о Виткевиче преимущественно в связи с их общением в Персии в 1837–1839 годах, детством и юношеством Яна особо не интересовался, тем более, его антиправительственной деятельностью, темой скользкой и сомнительной. Обо всем этом он знал понаслышке и не утруждал себя проверкой фактов.

Немалую роль в жизни Виткевича сыграл один из его ближайших друзей — Василий Иванович Даль, благодаря которому мы располагаем отчетом о путешествии Яна в Бухару в конце 1835 — начале 1836 года. Даль, который впоследствии приобрел известность как ученый-лексикограф, знаток российской словесности и писатель, в 1833–1836 годах служил вместе с Виткевичем в Орен-

¹ И. Ф. Браламберг. Воспоминания. С. 51.

бургском крае. Прибыл туда вместе с губернатором Василием Алексеевичем Перовским в качестве чиновника для особых поручений.

Из-под пера Даля вышла «Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно»¹. По сути, у этого произведения два автора: Виткевич, поведавший о своем путешествии, и Даль, записавший этот рассказ и придавший ему литературный блеск. «Записка» обычно публикуется вместе с отчетом о состоявшемся несколько ранее посещении Бухары Петром Ивановичем Демезоном.

После отъезда Яна из Оренбурга, они с Далем не теряли друг друга из виду, пересекались в северной столице и постоянно переписывались, даже в то время, когда Виткевич странствовал по Афганистану. Сохранившиеся письма Яна (их семь) хранятся в Отделе рукописей Института русского языка и литературы РАН (Пушкинского дома)². «Письма эти, написанные прекрасным литературным русским языком, четким и разборчивым почерком, много говорят об их авторе, о его смелом и мужественном характере, презрении к опасностям, мрачноватом юморе, с которым Виткевич относился к любым превратностям судьбы. В то же время письма рисуют нам совсем еще молодого, полного сил, очень любознательного человека, который радостно принимает новые впечатления, умеет ценить прекрасное, с большой любовью вспоминает Оренбург и оставленных там друзей»³.

¹ См.: П. Демезон, И. Виткевич. Записки о бухарском ханстве // <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Vitkevich/pred.htm>.

² «Я удовлетворю совершенно мою страсть к приключениям...» // http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Vitkevich/briefe_dal.htm

³ Г. П. Матвиевская, А. Г. Прокофьева, И. К. Зубова, В. Ю. Прокофьева. Жизнь и творчество В. И. Даля в Оренбурге. Гл. 4. Оренбургские друзья В. И. Даля: Иван Викторович Виткевич // <http://www.rae.ru/monographs/134-4445>.

В Архиве внешней политики Российской империи МИД России (АВПРИ) находятся несколько писем Даля, адресованных Виткевичу¹.

Уместно добавить, что Владимир Иванович посвятил своему другу несколько страниц повести «Бикей и Мауляна»².

В своих воспоминаниях рассказал о Виткевиче его школьный товарищ Алоизий Песляк, еще один «черный брат», отданный в солдаты³. Вспоминали о нем и другие оренбуржцы, не только ссыльные и пораженные в правах поляки. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ) хранятся мемуары Константина Андреевича Буха, инженера-прапорщика, а затем поручика Оренбургского корпуса⁴. Их автор описал свое знакомство с Виткевичем в 1833 году в Оренбурге, их встречи в российской столице⁵. Упоминали о Виткевиче русские дипломаты, посланники в Персии (чрезвычайные и полномочные министры) Иван Осипович Симонич и Александр Осипович Дюгамель⁶.

Свой интерес представляют беллетризованные отчеты русских путешественников XIX века, в которых содержатся факты, оценки и наблюдения, воссоздающие обстановку в Афганистане и Центральной Азии в XVIII–XIX веках. Отметим труды Е. К. Мейендорфа

¹ См. например: АВПРИ. СПб, Главный архив I-6, 1836, оп. 5, д. 2, л. 98-99.

² В. И. Даль. Бикей и Мауляна // Даль Владимир Иванович. Оренбургский край в художественных произведениях писателя. Оренбург, 2001. С. 213–289.

³ Записки Песляка // Исторический вестник. 1883. Т. XIII.

⁴ В Оренбурге К. А. Бух находился с 1833 по 1836 год. Затем отбыл в Петербург, где работал в Морском министерстве, департаментах Военного министерства и министерства имущества и финансов.

⁵ См.: К. А. Бух. Воспоминания. Отдел рукописей РГБ. Ф. 43, п. 2, ед 1, п. 5, ед. 1.

⁶ И. О. Симонич. Воспоминания полномочного министра. М., 1967; Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский архив, 1885, кн. 5.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26